

М. А. Самкова
Челябинск, Россия

СТЕПЕНЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ ДЕЗИНФОРМИРУЮЩЕГО МЕДИАТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья имеет целью определить степень воздействия дезинформирующего медиатекста на общественное мнение. Воздействие дезинформации зависит от ритмического распределения прагматически значимых лексем в медиатексте, которые отражают общественный настрой, часто негативный. Методология исследования включает прагмалингвистический анализ и расчет вероятности. Прагмалингвистический анализ выявляет соответствие прагматически маркированной лексики содержанию внушения. Создается композиционно-тематическая модель медиатекста, обусловленная оптимальной для восприятия ритмической организацией, созданной повторяющимися прагматически маркированными структурообразующими элементами. Частотность элементов определяет статистический критерий. Вычисленная вероятность появления прагматически значимых слов в комментариях определяет степень воздействия дезинформирующего медиатекста. Результат анализа материала исследования доказывает, что даже средняя степень воздействия статьи, опубликованной в «The Washington Post», соответствует значительному эффекту внушения, который благоприятен для создания и распространения дезинформирующего контекста — в 46 % комментариев к статье дезинформация считается правдивой и становится стимулом для использования негативных угрожающих высказываний. Результаты настоящего исследования применимы в практике оценки валидности новостных сообщений, проверки сфабрикованных новостей и мониторинга дезинформации с целью определения оптимальных методов противодействия ей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дезинформация; медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; лексемы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Самкова Мария Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 336; e-mail: _degi_@mail.ru.

1. Введение

Активно развивающиеся процессы глобализации, изменение геополитической обстановки влияют на условия существования России в современном мире, ее роль на мировой арене, равно как и на ее образ в средствах массовой информации. Средства массовой информации становятся главным источником формирования и отражения общественного мнения. В современных условиях стало возможным управление общественным мнением в реальном масштабе времени. Развитие общества и государства децентрализуется социальными сетями, прессой, телевидением и другими средствами связи, оперирующими ложной информацией.

Перед современным обществом встает острая проблема выявления дезинформации. Данная статья имеет целью определить степень воздействия дезинформирующего медиатекста на общественное мнение. Мы ставим перед собой задачи: выяснить, включает ли дезинформацию материал нашего исследования — статья в газете «The Washington Post»; провести прагмалингвистический и структурный анализ исследуемого медиатекста. Гипотеза: степень воздействия дезинформирующего медиатекста зависит от ритмического распределения в нем прагматически значимых лексем.

Материалом настоящего исследования является статья [Nakashima 2017] в американской ежедневной газете «The Washington Post» («Вашингтон пост»), которая считается надежным источником информации в США. «The Washington Post» имеет большое влияние на формирование новостной по-

вестки и общественного мнения в Соединенных Штатах Америки. Соответственно, освещаемые в данном издании события заведомо важны и популярны.

Опровергающие статью данные находятся на сайте *Fakecheck* («Фейкчек»), разработанном телеканалом *RT* («Ар-ти») [*Fakecheck* [http](http://fakecheck.ru)]. Центральное разведывательное управление США утверждает, что телеканал *RT* является пророссийским [*Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections* [http](http://arri.srg.com)]. Тем не менее информация на сайте является релевантной, так как Э. Накашима ссылается на анонимные источники и на исследование «*Crash-override. Analysis of the Threat to Electric Grid Operations*» («Анализ угрозы деятельности электросетевых организаций» — здесь и далее перевод наш. — М. С.), в котором не упоминается о связи хакеров с Россией. Следовательно, причастность российского правительства к хакерским атакам не доказана, а исследуемый медиатекст статьи носит дезинформирующий характер.

На сайте газеты «The Washington Post» размещен 731 комментарий к статье, в 339 из которых авторы ассоциируют хакерские атаки с Россией. Таким образом, дезинформирующий медиатекст формирует мнение читателей, внушая ложную информацию.

2. Методология исследования

В ходе исследования степени воздействия дезинформирующего медиатекста мы будем апеллировать к таким терминам, как «дезинформация», «текст», «медиатекст», «ритмическая структура». Термин «дезинформация» понимается как «особый вид

лжи, содержанием которой является преднамеренное введение одним из субъектов в заблуждение другого субъекта путем целенаправленного доведения до него заведомо ложной информации» [Красников 2006]. Отличие дезинформации от ложной информации заключается в их интерпретации. Дезинформация — это намеренно искаженные данные, которые соответствуют мировоззрению, опыту, эмоциональным предпочтениям реципиента и в дальнейшем формируют мнение.

В данной статье мы будем анализировать текст статьи как форму представления письменной информации и дезинформации. Вслед за Г. Г. Москальчук, Н. А. Манаковым и С. В. Болтаевой текст мы рассматриваем как самоорганизующуюся систему, обладающую протяженностью во времени, целостностью линейно развертываемых в определенном пространстве единиц и характеризующуюся ритмической упорядоченностью. Психолингвистические и структурные исследования текста доказали, что ритмическая структура текста влияет на восприятие его содержания.

Существенными для восприятия являются единицы текста, которые создают ритмическую структуру, распределяясь в тексте в определенной последовательности. В силу того что медиатекст как информационный продукт массмедиа имеет целью социальное регулирование, структурообразующими единицами выступают прагматически значимые лексемы.

В ходе анализа мы будем руководствоваться прагматическим и статистическим критериями. Прагматический критерий отражает соответствие прагматически маркированной лексики цели и содержанию внушения. Статистический критерий определяется частотностью употреблений прагматически значимых лексем, распределение которых обуславливает такую структуру текста, которая детерминирует наличие единиц в ключевых для восприятия интервалах. Прагматические, статистические и структурные аспекты анализа позволяют определить степе-

пень воздействия дезинформирующего текста. Степень определяется как отношение количества появлений прагматически маркированных единиц к общему объему текста и вероятность их нахождения в комментариях, иными словами вероятность того, что читатели лучше воспримут информацию из ритмически организованного дезинформирующего контекста, и в комментариях дезинформация будет преподноситься как правдивая.

Для определения степени воздействия мы вычислим вероятность появления прагматически маркированных слов в медиатексте и текстах комментариев. За основу мы возьмем классическую формулу определения вероятности:

$$P(A) = \frac{m}{n}, \quad (1)$$

где P — вероятность события A ,

m — число благоприятствующих событию A исходов,

n — число всех элементарных равно-
возможных исходов.

Анализ степени воздействия дезинформирующего медиатекста будет проходить в несколько этапов.

3. Прагматический анализ дезинформирующего медиатекста.

Вероятность появления единиц в тексте

На первом этапе подсчитаем вероятность появления прагматически маркированных слов исходя из экспериментальных данных. Проанализировав медиатекст, мы выделили 38 прагматически маркированных лексем. Количество их появлений равно 115. В настоящем исследовании данные единицы обладают следующими характеристиками:

- 1) являются полными или вариативными повторами;
- 2) находятся в дезинформирующем контексте;
- 3) характеризуются обобщением и малой информативностью;
- 4) часто имеют негативную коннотацию;
- 5) относятся к определенным тематическим группам, представленным ниже (см. табл.).

Таблица. Тематические группы слов в дезинформирующем контексте статьи «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research»

Тематическая группа 1 «Хакерство»	Тематическая группа 2 «Разрушение»	Тематическая группа 3 «Исследование»	Тематическая группа 4 «государство»	Тематическая группа 5 «Россия»
malware (17) hacker (8) CrashOverride (5) cybersecurity (3) Electrum (3) cyberweapon (2) Sandworm (2) hack (2)	disrupt (7) attack (6) attacker (4) destroy (2) blackout (2) disruption (1) disruptive (1) devastating (1)	researcher (4) research (3) expert (2) report (2) analysis (2) analyze (1)	government (7) official (3)	Russian (9) Russia (1) Russians (1)

Также к прагматически маркированным лексемам мы относим модальные глаголы (7), местоимение *some* (1), наречия *just* (1), *only* (1) и отглагольные прилагательные *allied* (1), *linked* (1), *associated* (1), *attributed* (1). Значение, указанное в скобках, — это количество появлений лексемы в медиатексте.

Исходя из формулы (1), степень воздействия медиатекста рассчитывается как отношение количества появлений прагматически маркированных слов (115) к общему количеству слов в тексте (1062). Расчеты показали, что $P(A) = 0,108$.

Чтобы определить вероятность появления прагматически маркированных слов в комментариях, нам необходимо подсчитать общий объем комментариев (сумму всех слов) и определить среднее значение — отношение количества всех слов к количеству комментариев. Общий объем комментариев — 24 867 слов. Среднее значение: $24867 \div 731 = 34$.

Подсчитаем вероятность появления прагматически маркированных лексем в комментариях, опираясь на формулу (1). Обнаружено 1268 появлений прагматически маркированных единиц в комментариях. Показатель вероятности как результат отношения количества всех появлений прагматически маркированных слов (1268) в текстах комментариев к общему количеству слов (24 867) равен 0,051. Исходя из показателя среднего значения, на каждый комментарий приходится 2 слова из дезинформирующего контекста. Данный показатель рассчитывается по формуле: $34 \times 0,051 = 1,7 \approx 2$.

Сравним фактические показатели, выявленные при анализе комментариев, с прагматически маркированными лексемами, заимствованными из дезинформирующего контекста медиатекста, с полученным средним значением. Условимся, что в тех комментариях, в которых данные лексемы не обнаружены, количественный показатель равен 0 и степень воздействия дезинформирующего медиатекста низкая; степень воздействия считается средней, если показатель равен 0,051 или приближается к нему; высокой степени соответствует показатель 0,357. Высокой степенью воздействия обладает контекст, в котором обнаружено 7 прагматически маркированных лексем. Таким образом, степень воздействия изучаемого нами медиатекста — средняя: $P(A) = 0,108$. Общий объем комментариев примерно в 23 раза больше объема текста статьи, в комментариях в 11 раз больше появлений прагматически маркированных единиц, чем в медиатексте. Разница между вероятностью появления прагматически маркированной

единицы в медиатексте и в тексте комментария вычисляется так: $0,108 - 0,051 = 0,057$. Следовательно, в среднем в комментариях прагматически маркированных лексем в два раза меньше.

В текстах комментариев расширяются тематические группы, единицы объединяются в макрогруппы «война» и «кибервойна», появляется новая тематическая группа «соперники». В лексических единицах отражен агрессивный настрой читателей по отношению к России и к действующему президенту США:

— Betsy7 6/13/2017 1:44 AM GMT+0500 *Will it matter whether they are **government officials**, contractors, or just patriotic **Russians**? It's time people in the US take notice that **Russians** are waging a new kind of **warfare**. The fact that **Russians** used technology to interfere in the election and now have some ability to **disrupt** the power grid ought to be a major wake-up call. The fact that so many **Republicans** are following the lead of Donald **Trump** and denying the dangers may well be viewed as the fatal appeasement of the 21st Century.* Like 10 / Бэтси7 13 июня 2017 1:44 +0500 по Гринвичу *Имеет ли значение, **официальные ли это власти**, наемные рабочие или просто **русские-патриоты**? Пришло время обратить внимание США на то, что **русские** ведут новую **войну**. То, что русские используют технологии для вмешательства в выборы, имеют возможность **нарушить** работу электроэнергетической системы, должно послужить сигналом к действию. То обстоятельство, что так много **республиканцев** следуют примеру Дональда **Трампа** и отрицают угрозы, видится как губительная политика умиротворения XXI века.* Нравится 10;

— whatthe---- 6/13/2017 4:57 PM GMT+0500 *IF the **Russians** are just **stupid** enough to **attack** the US via a power grid shutdown, we should **destroy** all their oil and gas refinery facilities and dare them to **retaliate**. Cold in Moscow, you bet! / чтоза----* 13 июня 2017 года 16:54 +0500 по Гринвичу *ЕСЛИ **русские** такие **глупые**, что хотят **атаковать** США, отключив электроэнергетическую систему, мы должны **разрушить** все их нефте- и газоперерабатывающие заводы, тогда посмотрим, посмеют ли они на это что-то ответить. В Москве ведь холодно!*

— webcat95 6/13/2017 9:01 PM GMT+0500 *How can the President continue to deny **Russian** intent on the U.S. when you see stories like this. He has to have been told this already if it's in the news now* Like 1 / вебкэт95 13 июня 2017 года 21:01 +0500 по Гринвичу *Как президент может отрицать намерения **Рос-***

сии в отношении США, когда читаешь такие статьи. Ему должны были доложить, если это уже в новостях. Нравится 1;

– taxpayer2 6/12/2017 9:07 PM GMT+0500 Nothing new to worry about folks. President **Trump** has probably already given them the necessary access codes anyway. Like 6 / налогоплательщик2 12 июня 2017 года 21:07 +0500 по Гринвичу Ничего нового, волноваться не стоит, друзья. Президент **Трам**, наверное, уже отдал им необходимые коды доступа. Нравится 6.

Экспериментальные данные доказывают, что 46 % (339 из 731) комментариев содержат лексемы, заимствованные из дезинформирующего контекста. Авторы комментариев считают дезинформацию правдивой. Следовательно, даже при условии среднего показателя количества прагматически маркированных лексем, создающих дезинформирующий контекст, степень воздействия медиатекста достаточно высока.

4. Структурный анализ дезинформирующего медиатекста.

Лингвистическая характеристика единицы

Структурный анализ позволяет определить способ распределения прагматически значимых лексических единиц и выявить особенность ритмической структуры, которая создает эффект внушения. Мы локализуем повторы прагматически маркированных единиц как основных структурных элементов текста. Морфологическая характеристика повторов указывает на то, что это текст-повествование: превалируют имена существительные (нарицательные и собственные) и прилагательные в сравнительной и превосходной степени. Имена существительные и прилагательные могут быть объединены в тематические группы: «cyberweapon» (кибероружие), «cybersecurity» (кибербезопасность), «malware» (вредоносная программа), «hackers» (хакеры), «researchers» (исследователи), «government» (правительство), «Russian» (российский), «U.S.» (Соединенные Штаты). Автором многократно упоминаются названия вредоносных программ и имена экспертов — текст изобилует именами собственными.

Анализ структуры текста приводит к выводу, что первая часть статьи, в которой содержится ложная информация о связи хакеров с российским правительством, структурирована оптимальным для восприятия способом. Повторы размещены в статье в среднем через 70 слов. Они создают устойчивую связь элементов текста. Рассмотрим некоторые повторяющиеся элементы:

– **Hackers allied with the Russian government have devised a cyberweapon that has**

the potential to be the most disruptive / **Хакеры, связанные с российским правительством, разработали кибероружие, которое обладает большим разрушительным потенциалом;**

– *ambitious effort by the Russian government last year to disrupt the U.S. presidential election* / **смелая попытка российского правительства вмешаться в выборы США в прошлом году;**

– **Russian hackers suspected in attack** / **Российские хакеры подозреваются в атаке;**

– *That attack <...> was carried out by Russian government hackers* / **Атака была совершена хакерами российского правительства;**

– *Russian hackers used 'zero-day' to hack NATO* / **Российские хакеры использовали вредоносную программу для атаки на НАТО;**

– *The same Russian group that targeted U.S. [industrial control] systems* / **Та же российская группа, которая покушалась на американские системы управления производственными процессами;**

– *a cyberweapon that can disrupt power grids* / **кибероружие, которое может нарушить работу электроэнергетической системы;**

– *the second instance of malware specifically tailored to disrupt or destroy industrial control systems* / **вторая вредоносная программа, специально созданная для разрушения систем управления производственными процессами;**

– *CrashOverride, is known to have disrupted only one energy system* / **программа CrashOverride, нарушившая работу только одной энергетической системы.**

Большинство повторов находится в анафорической позиции. В исследуемом медиатексте анафора выполняет две функции: выделение лексем, важных в смысловом отношении, и внушение.

В медиатексте обнаружены полные лексико-грамматические повторы, возникающие в глагольных словосочетаниях (tailored to disrupt or destroy industrial control systems), и вариативные лексико-семантические повторы (cyberweapon, cybersecurity, cyberattack), а также контекстуальные синонимы (Russian group = Russian hackers). На взаимосвязанном повторении указанных единиц основана прагматическая сила первой части текста. Она определяется ритмической организацией, формальным признаком которой выступает повтор прагматически сильных слов, способных вызвать у реципиента эмоциональный отклик (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев). Лексические единицы «cyberweapon» (кибернетическое оружие, хакерское про-

граммное средство) и «malware» (хакерская программа, программа для взлома, вредоносное программное средство) вызывают большой эмоциональный резонанс среди читателей в США — целевой аудитории газеты «The Washington Post», потому что безопасность — первостепенный приоритет в данной стране.

Лексемы «cyberweapon» и «malware» фигурируют в средствах массовой информации для описания вредоносной программы, используемой одной страной против другой страны с политической, военной или разведывательной целью [Macmillan Dictionary <http://>]. Единица «malware» — это родовое понятие для ряда таких терминов, как «вирус», «червь», «троян», «руткит» и другие. В контексте анализируемого медиатекста встречается в синтаксически параллельных предложениях, в которые входят многочисленные повторы:

– *The **malware**, dubbed CrashOverride, is just the second instance of **malware** specifically tailored to disrupt or destroy industrial control systems, according to new research / Вредоносная программа, получившая название CrashOverride, — это только второй случай создания такого рода программы, предназначенной специально для того, чтобы подорвать и нарушить деятельность промышленных систем управления, как утверждается в новом исследовании;*

– *CrashOverride is **only** the second instance of **malware** specifically tailored to disrupt or destroy industrial control systems / CrashOverride — это только второй случай создания такого рода программы, предназначенной специально для того, чтобы подорвать и нарушить деятельность промышленных систем управления.*

Используемые в примерах наречия-синонимы «just» и «only» в сочетании со словосочетанием «the second instance» реализуют прагматическую установку автора, подразумевающего, что злоумышленники будут создавать другие вредоносные программы, нарушающие работу промышленных систем.

В средствах массовой информации и других открытых источниках заметно увеличивается частотность негативно-оценочных лексем группы «кибербезопасность» в контексте с лексемами группы «Россия». Прагматическим потенциалом обладает высказывание «a wide-ranging, ambitious effort by the Russian government last year to disrupt the U.S. presidential election and influence its outcome» («крупномасштабная амбициозная попытка российского правительства подорвать выборы президента США в прошлом году и повлиять на их результаты»). Амери-

канские СМИ причисляют кибератаки, совершенные во время президентских выборов в США в 2016 г., к действиям российского правительства. Прагматически значимо упоминание недавних событий, связанных с выборами в США, в медиатексте, описывающем вредоносную программу *CrashOverride*. У читателей выстраивается ассоциативный ряд, в который входят понятия «российское правительство», «хакер», «атака» и «вредоносная программа». Приведем некоторые из комментариев в качестве примера:

– MD Fried 6/12/2017 10:54 PM GMT+0500 <...> *Everyone else knows, Putin, **Russia and Russian Hackers** have been conducting **cyber attacks** on the USA for over a year now. Have you made a lot of money Hacking for Putin? / Эм-Ди Фрайд 12 июня 2017 года 22:54 +0500 по Гринвичу <...> **Все знают, что Путин, Россия и российские хакеры уже как год проводят кибератаки на США. Ты много заработал, работая на Путина?**;*

– John from Cincinnati 6/12/2017 9:48 PM GMT+0500 [Edited] <...> *If **Russia** continues behaving like a **criminal hacker state**, then its access to the internet should be cut off <...> / Джон из Цинциннати 12 июня 2017 года 21:48 +0500 по Гринвичу [Отредактировано] <...> **Если Россия продолжит вести себя как криминальное государство, занимающееся хакерской деятельностью, тогда доступ России к Интернету нужно закрыть.** Метафорическое сравнение России с криминальным государством — это фрейм, созданный СМИ с целью воссоздать образ России как врага.*

5. Выводы

Исходя из результатов анализа медиатекста и комментариев, тематически связанные единицы группы «кибероружие» становятся контекстуальными синонимами со словосочетанием «план/попытка российского правительства», сближаясь в условиях контекста данной газетной статьи. Повторы прагматически сильных лексических единиц в сочетании с ритмической неоднородностью создают фон, на котором впечатление от текста усиливается, что позволяет распределить акценты в развитии темы выгодным автору статьи образом. В исследуемом медиатексте ритм создается в виде анафоры, повторной репрезентации с помощью синонимов, а также тематически близкой лексики на уровне ассоциаций.

В середине статьи осуществляется переход от одного ритмического тона к другому, что внешне выражается в несимметричных по ритмомелодике высказываниях. Описываются вредоносные программы, приводятся мнения специалистов в виде цитат.

Прямое цитирование нарушает однородность стиля.

В описании вредоносной программы используются метафора и эпитет: «the malware is like a Swiss Army knife» (вредоносная программа как складной нож со многими лезвиями), «a “wiper” component» (очистительный компонент), «a “time bomb” functionality» (функционал бомбы замедленного действия), «a doomsday scenario» (сценарий конца света). Средства выражения создают дополнительную асимметрию и требуют больших затрат для восприятия текста. Смена ритмического тона во второй части медиатекста обладает эффектом воздействия и снижает уровень восприятия информационно насыщенного участка медиатекста.

Анализ статьи из газеты «The Washington Post» показал, что дезинформирующий медиатекст представляет собой сочетание информационно насыщенных правдивых блоков с прагматически значимыми повторяющимися единицами, которые выступают структурообразующими элементами, с помощью которых автор создает дезинформирующий контекст. Степень воздействия дезинформирующего медиатекста зависит от ритмического распределения структурообразующих элементов.

Прагматический, статистический и структурный критерии легли в основу вычисления вероятности появления прагматически маркированных слов в текстах комментариев как показатель степени воздействия, в частности внушения. Дезинформация имеет свойство самовоспроизводиться и многократно повторяться, проникая в информационное поле и оказывая влияние на общественное сознание. К способам передачи дезинформации относится анафора как способ «эксплуатации синтаксиса». Прагматически маркированные лексемы в анафорической позиции способствуют процессу симметризации и лучшему восприятию текста читателями. Дезинформирующий медиатекст соответствует желаниям общества и содействует распространению паники среди населения.

M. A. Samkova
Chelyabinsk, Russia

THE EXTENT OF A DESINFORMING MEDIA TEXT IMPACT

ABSTRACT. The article aims at determining the extent of a desinforming media text effect on public opinion. The impact depends on the rhythmical distribution of pragmatically relevant lexemes in a media text, which reflect public views, most likely, a negative one. The research methodology includes pragmalinguistic analysis and probability calculation. The pragmalinguistic analysis determines the correspondence of pragmatically relevant lexemes and a desinforming media text impact. A thematic compositional model of a media text is determined by the optimal for perception rhythmical text structure that is optimal for perception. The rhythm is created by frequently repeated pragmatically relevant lexemes. The frequency of these elements is a statistical criterion that is used to calculate the probability of pragmatically relevant lexemes occurrence in comments to a media text. The occurrence probability defines the extent of a desinforming media text impact. The research outcomes show that the moderate extent of a media text published in the Washington Post reflects the considerable suggestion effect, which promotes disinformation circulation. In 46 % of comments, the disinformation is assumed to be true. It promotes negative threatening utterances. The research findings can be applied to news validity estimate, fake news check, and disinformation monitoring in order to work out the countermeasure techniques.

KEYWORDS: fake news; media texts; media discourse; media linguistics; media; mass media; lexeme.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. Бойчук Е. И. Восприятие ритма прозаического текста // Актуальные вопросы филологических наук : материалы Междунар. науч. конф. (Чита, нояб. 2011 г.). — Чита, 2011.
3. Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
4. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.
5. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология. — М. : Педагогика, 1991.
7. Красников М. А. Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения : дис. ... канд. психол. наук. — М., 2006.
8. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи : лингвистический и семиотический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Рн/Д., 2010.
9. Леонтьев А. А. Ключевые идеи Л. С. Выготского — вклад в мировую психологию XX столетия // Психологический журнал. 2001. № 4.
10. Манаков Н. А., Москальчук Г. Г. К основам текстосимметрии // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы : материалы второй школы-семинара. — Барнаул, 2001.
11. Попчук О. М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
12. Самкова М. А. Лингвосинергетическая трактовка учебно-педагогического дискурса (на материале англоязычных учебных текстов-полилогов) : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2014.
13. Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections // Intelligence Community Assessment. URL: https://www.dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf (date of access: 17.07.17).
14. Cyber weapon. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/cyber-weapon> (date of access: 10.08.17).
15. Fakecheck. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (date of access: 17.07.17).
16. Nakashima E. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research // The Washington Post. 2017. 12 June. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russia-has-developed-a-cyber-weapon-that-can-disrupt-power-grids-according-to-new-research/2017/06/11/b91b773e-4eed-11e7-91eb-9611861a988f_story.html (date of access: 9.07.2017).
17. Swain D. CBC News. URL: <http://www.cbc.ca/news/world/washington-post-media-critic-investigators-1.4113710> (date of access: 17.07.17).
18. Word and phrase. Info. URL: <http://www.wordandphrase.info/frequencyList.asp> (date of access: 10.08.17).

ABOUT THE AUTHOR: Samkova Maria Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia..

REFERENCES

1. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku : ucheb. posobie. — M. : Editorial URSS, 2001.
2. Boychuk E. I. Vospriyatie ritma prozaicheskogo teksta // Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Chita, noyab. 2011 g.). — Chita, 2011.
3. Bolindzher D. Istina — problema lingvisticheskaya // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M., 1987.
4. Boltaeva S. V. Ritmicheskaya organizatsiya suggestivnogo teksta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2003.
5. Vaynrikh Kh. Lingvistika lzhi // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M., 1987.
6. Vygotskiy L. S. Pedagogicheskaya psikhologiya. — M. : Pedagogika, 1991.
7. Krasnikov M. A. Regulyativnaya funktsiya dezinformatsii v protsesse mezhluchnostnogo obshcheniya : dis. ... kand. psikhol. nauk. — M., 2006.
8. Lenets A. V. Kommunikativnyy fenomen lzhi : lingvisticheskiy i semioticheskiy aspekty : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — R n/D., 2010.
9. Leont'ev A. A. Klyuchevye idei L. S. Vygotskogo — vklad v mirovuyu psikhologiyu XX stoletiya // Psikhologicheskii zhurnal. 2001. № 4.
10. Manakov N. A., Moskal'chuk G. G. K osnovam tekstosimetriki // Lingvosinergetika: problemy i perspektivy : materialy vtoroy shkoly-seminara. — Barnaul, 2001.
11. Popchuk O. M. Lingvisticheskie i paralingvisticheskie sredstva realizatsii lozhnogo vyskazyvaniya v akte kommunikatsii : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2006.
12. Samkova M. A. Lingvosinergeticheskaya traktovka uchebno-pedagogicheskogo diskursa (na materiale angloyazychnykh uchebnykh tekstov-polilogov) : dis. ... kand. filol. nauk. — Chelyabinsk, 2014.
13. Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections // Intelligence Community Assessment. URL: https://www.dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf (date of access: 17.07.17).
14. Cyber weapon. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/cyber-weapon> (date of access: 10.08.17).
15. Fakecheck. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (date of access: 17.07.17).
16. Nakashima E. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research // The Washington Post. 2017. 12 June. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russia-has-developed-a-cyber-weapon-that-can-disrupt-power-grids-according-to-new-research/2017/06/11/b91b773e-4eed-11e7-91eb-9611861a988f_story.html (date of access: 9.07.2017).
17. Swain D. CBC News. URL: <http://www.cbc.ca/news/world/washington-post-media-critic-investigators-1.4113710> (date of access: 17.07.17).
18. Word and phrase. Info. URL: <http://www.wordandphrase.info/frequencyList.asp> (date of access: 10.08.17).